

просчитывали по месяцам?» — «Просчитывал. Восемнадцатая весна, то есть май, июнь падают на 1817 год». Он: «Это любопытно. Вы не могли бы приехать ко мне?» Дает адрес. Я думал, что меня встретит седовласый академик. Каково же было мое удивление, когда меня встретил в дверях кабинета молодой, свободный, изящный в движениях и манерах человек, лет 45-ти, изысканно-вежливый, с черной бархатной академической ермолкой на голове. Приглашает присесть в мягкое кресло. Обвожу глазами стены: полки до самого потолка, и все — книги, книги. Мечется в глаза Брокгауз и Ефрон и трехтомник майковского издания Батюшкова. Прост и предупредителен. Явно хочет подавить мое смущение. После минутной моей исповеди о любви к Пушкину я вдруг сказал, что знаю его полемику с Вересаевым. Какая-то тень пробежала по его лицу. На прощание Благой сказал: «Говорите Вы хорошо, насколько хороша ваша письменная речь?»

Три года (1938—1941) в ИФЛИ я был членом Пушкинского семинара, который Дмитрий Дмитриевич вел на третьем курсе. Я был однолюб и благоволил перед учителем. Со второго курса ходил на третий, потом, как третькурсник, «законно» занимался в семинаре. Храню курсовую работу о «Руслане и Людмиле» с его размашистыми пометами. Эта работа получила институтскую премию. А будучи на четвертом курсе, снова продолжал ходить на третий — заниматься в семинаре у Благого. Был рьяным спорщиком, оппонентом и чувствовал, что он благоволит ко мне. Могу гордиться тем, что прошел «школу Благого». Это очень важно — в студенческие годы обрести учителя, пройти «школу». Слушал со всеми студентами курс его лекций по литературе XVIII в. После войны и демобилизации в аспирантуре МГУ я был еще два года ассистентом у Благого в его Пушкинском семинаре.

В разные годы из семинаров Благого и из аспирантуры вышли ученики, занявшие потом определенное место в литературоведении: А. Берзер, К. Озерова, В. Борщуков, В. Новиков, Ю. Федосюк, Г. Черемин, Н. Филиппова, Н. Ждановский, Н. Дикушина. В ифлийскую пору ассистентом Благого в семинаре был аспирант Н. Либан. Доцент Николай Иванович Либан и сейчас работает со мной на кафедре русской литературы МГУ.

Благой был моим научным руководителем по кандидатской диссертации (1948), научным консультантом по докторской (1960). Рекомендовал меня в Союз писателей (1974).

К Благому душевно тянулись многие люди со стороны. Он умел подмечать «божью искру» в человеке, помогал расти, преодолевать препоны. Думаю, что он оказал определенное влияние на К. В. Пигарева, Н. В. Фридмана, И. Л. Фейнберга, Б. А. Трубецкого, Г. П. Макогоненко.

В ифлийские времена Дмитрий Дмитриевич имел обыкновение всех нас, участников семинара, приглашать на доклады в процветавшем тогда Всесоюзном пушкинском обществе (разогнанном в приснопамятную эпоху борьбы с «космополитизмом»), а в довоенные годы это было одно из самых действенных научных обществ. Благой приглашал не только на свои доклады, но и на все другие, иногда подчеркивал, чем они могут быть особенно интересны.

Пушкинское общество заседало у старого Москворецкого моста, «у Луппола», в обветшавшем четырехэтажном здании, в котором было отведено несколько комнат для Института мировой литературы имени А. М. Горького. Директором в 1935—1940 гг. был академик И. К. Луппол, умница, подлинный философ и эрудит, павший жертвой сталинского террора. Собирались в скромном зальчике, а мы, семинаристы Благого, — тесной кучкой за печкой, старались не шуметь.

Особенно запомнились два заседания. Первое собрало все московское литературоведение. Пришли и те, кто здесь никогда не бывал. Я сидел в последнем ряду, сзади В. В. Вересаева. Благой и он даже не раскланялись. Тут я увидел самых что ни на есть антиподов: И. М. Нусинова и У. Р. Фохта, В. Б. Шкловского и С. М. Петрова. Был, кажется, и В. Я. Кирпотин.